

РЕФЛЕКСИЯ - АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА И СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ

Определяя предмет акмеологии в контексте самодеятельности: “саморазвитие”, “самореализация”, “самообразование”, “самоконтроль”, “самосовершенствование”, “самокоррекция”, (3, 8), - академик Н.В. Кузьмина указывает также и на “продуктивные модели деятельности” (3, 13) как обеспечивающие педагогические эффекты качественного преподавания (качественного освоения учеником, студентом того или иного учебного материала). В связи с этим можно сослаться на сущностные акмеологические параметры, указанные автором: “проникновение в закономерности самодвижения преподавателя к вершинам мастерства и профессионализма деятельности может иметь основополагающее значение для совершенствования системы образования в целом, от детских садов до аспирантуры и системы повышения квалификации, поскольку главным критерием мастерства и профессионализма преподавателя являются качество подготовки его учащихся, уровень их готовности к самообразованию по данной дисциплине” (там же, 3).

Развивая тот же аспект успешного преподавания (равного эффективному обучению учащихся и студентов), академик И.А. Зимняя обращает внимание на то, что решается данная проблема благодаря личностно-деятельностному подходу, соотносящемуся с подходом личностно-ориентированным (2, 97). Это предполагает, “что в центре обучения находится сам обучающийся - его мотивы, цели, неповторимый психологический склад, т.е. ученик, студент как личность... цель занятия

может быть поставлена так: “сегодня каждый из вас научится решать определенный класс задач”. Такая формулировка означает, что обучающийся должен отрефлексировать наличный исходный, актуальный уровень знания и затем оценить свои успехи, свой личностный рост” (2, 98). Примечателен в данном случае факт словоупотребления (“обучающийся” - вместо “обучаемого”), акцентирующего приоритет самостоятельности субъекта, мобилизации им своих ресурсов, как приметы современного образования в противовес авторитарной педагогике, навязывающей знания массам, без учета индивидуальных возможностей и потребностей, исключая личностный подход. И данное словоупотребление, и вся концепция основы организации образовательного процесса в целом вскрывают общие для передовой педагогической психологии и акмеологии интенции. Особого внимания заслуживает и оперирование понятием рефлексии, сближающее данные науки в плане осмысления “психических новообразований, которые есть результат психолого-педагогического воздействия в русле акмеологической целенаправленности (формула качества образования Н.В. Кузьминой).

Чем отличается наш метод от знаниевых методов

Трансляция знаний не может обеспечить развития мышления без развития в ученике, студенте способности к пониманию. Сущность понимания сводится к тому, что обретенные знания организуют систему в представлении обучающегося и всякое новое знание, включаясь в эту систему, становится функциональным, действенным. Применение знания, готовность на этой основе к деятельности в любой сфере - такова педагогическая цель при формировании языковой развитой личности, примета которой - способность к пониманию. Именно понимание

обеспечивает достройку в уме видимого, воспринимаемого мира - достройку по той линии движения, которая образует систему.

Понимание в художественной сфере представляет собой уровень более высокий, чем понимание в остальных сферах, потому что оно требует синкретического, целостного, развития личности - сочетания в ней рационального и иррационального. Понимание художественного языкового текста - это рациональное и иррациональное освоение содержательности литературного произведения, где “содержательность = содержание + смысл” (1, 38). Именно иррациональная составляющая может подсказать развитой языковой личности, что смысл великого произведения может быть невыразим, а попытка его сформулировать только уничтожит заложенный в произведении уникальный смысловой конфигуратор или объем смыслов превратит в плоскость, тем самым обеднив текст.

Сформированность рефлексии как условие понимания

Когда мы говорим об “ином уровне” понимания, мы подразумеваем высокое его качество, обеспечиваемое выработанной рефлексией. Если обучающийся способен распорядиться полученными знаниями, применить, включив их в активный запас, в той или иной сфере деятельности, если он способен устанавливать новые смысловые связи в работе над текстами разной природы, о нем можно сказать: это - рефлектирующая личность. Сформированная рефлексия - это ориентация ученика или студента на применение знания. Критерий - умение связывать весь предшествующий опыт (в случае с художественным текстом - опыт не столько рациональный, сколько чувственный, эмоциональный, связанный с переживаниями, уходящими корнями в иррациональную природу личности) и прежде полученные знания с постижением нового, более сложного, чем все

предшествующее, непосредственно в самом процессе “выработки алгоритма операций, предписываемых текстом” (4, 141-142).

При рефлексии, если она сопровождает лишь получение знаний, понимание выступает как присвоение знания и такое включение в опыт, которое обеспечивает регулирующую деятельность в соответствии с практикой. Назовем это когнитивной функцией понимания, необходимой при изучении таких предметов, как физика, химия, история и т.д.

Знания, отмечает академик А.И. Субетто, есть часть информации, которая прошла процедуру узнавания (распознавания), классификации, понимания (осмысления). Знания есть результат познания. В “эволюции знания” трансформации “знание - процесс” и “знание - результат” друг в друга образуют своеобразную ритмологию познавательного процесса: “знание - процесс” переходит в “знание - результат”, а последнее разворачивается в процессе реализации (мышления, проектирования) в новый “процесс - знание”. Знания есть результат учения, образования. “Трансляция знаний - процесс, пронизывающий всю триаду образовательного процесса: воспитание, обучение, образование - как передачу знаний в узком смысле слова. Не случайно В. Даль формирует семантическое тождество: знание - познание как плод ученья, опыта” (5, 59).

Бесспорно, такой уровень познания сопровождается когнитивным пониманием, наделенным рефлексией, потому что результат, стимулирующий обучаемого к дальнейшему восхождению на уровни проектирования, смыслового конструирования, формирования научных понятий, свидетельствует о потребности движения обучаемого от смыслов актуальных к смыслам формируемым. В таком случае, при активизации рефлексии, возможен переход на уровень смысловой. (Примечательно, что, как и прилагательное “смысловой”, глагол “осмыслить” имеет корень “смысл”, и, заключая в себе значение действия, напрямую, буквально,

выражает важнейшее качество понимания - наделить смыслом: сравним подобные по словообразованию глаголы: “о-дарить”, “о-благородить”, “о-ценить” и т.д. В подобном ряду глагол “осмыслить” получает особой насыщенности семантический компонент).

Смысловой уровень - более высокий уровень понимания, и если без него возможно освоение разных предметов и научных дисциплин, то освоение художественного пространства, в котором огромную роль играет художественная литература, просто невысказано. В противном случае мы имеем право говорить о частичном, т.е. ущербном, освоении.

Рефлексия при постижении художественного языкового текста - это такой механизм, который позволяет преодолеть непонимание благодаря осуществлению разных техник, курсируя в строго ограниченных пределах языкового поля (ноэмы, эносемы, дискурса, фрагмента). Рефлексия, в отличие от понимания, всегда задается рамкой или системой рамок внутри художественного текста. По образному выражению герменевтов, проекция рефлексии - окрашенная смысловым цветом выделенность фрагмента некоторой целостности, а проекция понимания есть сама целостность.

Рефлексия, сопровождая понимание, способствует выявлению, различению смыслов, опредмеченных языковыми средствами и ассоциатами другого ряда. Понимание благодаря рефлексии обнаруженные смыслы приводит в единую систему, иерархизируя их.

Если касаться иррационального плана понимания художественного текста, то здесь важно отметить следующее обстоятельство: в отличие от рационального постижения художественного текста, где фигурируют техники как рефлексивные, так и нереплексивные, иррациональное постижение невозможно без рефлексии вообще. Объясняется это тем, что рефлексия - это связка между приобретенным и приобретаемым опытом, в иррациональном аспекте это - момент узнавания знакомого переживания

(сопереживание) или абсолютно новое переживание, не свойственное читателю. Новизна чувственных усмотрений и включение их в имеющийся спектр рефлектирующей личности возможны лишь при условии действия рефлексии. В противном случае обучающийся не освоит целостно художественный текст и отсутствие рефлексии будет свидетельствовать об эстетической неразвитости данного человека. В практике это - распространенное явление: часто можно наблюдать “иррациональную глухоту” читателя. Так, он может воскликнуть: “Почему он, автор “Белой гвардии”, вдруг ни с того ни с сего обращается со страниц к своей маме, а в “Мастере и Маргарите” - прямо ко мне, призывая идти за ним неизвестно зачем и неизвестно куда? Что он, разве письмо пишет? Возможно ли подобное в книгах?”. Кроме недоумения, а то и раздражения, такой, рациональный, читатель ничего не испытывает к фрагментам, рассчитанным на иррациональное освоение их содержательности.

Говоря о признаках рефлексии в деятельности понимания у обучающихся, важно ориентировать их на фрагментарное постижение текста, на различение в языковом пространстве внутренних обособленных смысловых полей, подчас организованных автором послойно, не говоря уже о четком семантическом знании слов, составляющих произведение. Осваивая сегмент за сегментом (критерий: “понял / не понял”) в обозначенном условно круге текста, обучаемый выработает способность к пониманию рациональному и иррациональному - через набор обучающих техник, что в итоге сформирует его целостно.

Рассмотрим рефлексии с точки зрения масштаба и сложности уровней. По мере становления содержательности и рациональности в механизме познания и деятельности нарастала закономерность: увеличился временной лаг.

В соответствии с этим рефлексия расслоилась на короткопериодную, среднепериодную, длиннопериодную.

Короткопериодная рефлексия действовала на малых промежутках времени, обеспечивая механизмы жизнедеятельности (условные и безусловные рефлексы, унаследованные человеком от животных). Эта рефлексия присуща бытовой среде, и обеспечивается она традициями, ритуалами, семейным и клановым воспитанием и т.п. Ее короткопериодность объясняется действием внутри бытового мира.

Среднепериодная рефлексия была ориентирована на обеспечение деятельности, временной лаг которой не превышал обычных политических циклов от 3 до 11 лет. Примером среднепериодной рефлексии может являться наше обычное планирование жизни на год, пятилетие, десятилетие и выстраивание на этой основе моделей будущего, превышающих политические циклы (от 11 лет до бесконечности).

Длиннопериодная рефлексия строилась на накоплении массива знаний и их обобщении.

Существует традиция, приписывающая необходимость совершить определенные действия в 20 лет, в 30 лет и т.д. (“кто в жизни не имел... к двадцати красоток томных, к тридцати - долгов огромных, положенья - к сорока и к пятидесяти - денег, тот порядочный бездельник и валяет дурака” - характерная программа для испанцев определенного круга в переводе С.Я. Маршака). Такая рефлексия, присутствующая в самой жизни, с ее характерным временным диапазоном, перекочевала и в искусство, став одной из самых характерных его примет (анализ поколения, выраженного в герое, - ”Герой нашего времени”, “потерянное” поколение и т.п., анализ опыта деятельности - тургеневские и ранние толстовские рассказы). Естественна память прошлого в такого рода рефлексии - до дедов (греки

считали “древностью” все, что было до их дедов). И даже титанический роман “Война и мир” не выходит из этого временного диапазона.

Интеллектуализация рефлексии и ее качественно иное определение Локком, Кантом и Гегелем стали приметой Нового времени. Наука (еще со времен Древнего Египта) оперирует временными промежутками, далеко выходящими за рамки человеческой жизни и памяти. Чтобы предсказать солнечное затмение, жрецам Египта нужен был опыт наблюдений за небом не одного поколения. Еще более отвлеченными от обычной жизни были понятия и логические операции, легшие в основу естествознания, науки и техники Нового времени. Изменился сам опыт рефлексии, поскольку здесь невозможно было производить локковское “наблюдение над опытом деятельности”, наблюдать пришлось за осуществлением логических операций и т.д. Это настолько расширило временной диапазон, что из жизнеописаний родилась всемирная история, возникли идеи эволюции и прогресса, а от прогнозирования солнечных затмений человечество шагнуло к осмыслению процессов гораздо более отдаленного будущего (возможная тепловая смерть вселенной и т.п.).

Искусство не могло не отозваться на этот новый взлет человеческого гения. В нашем веке мы уже сталкиваемся с вхождением в искусство и этого, расширенного разумом, рефлексивного уровня. Искусство художественно обращается и к истории, и к возможным вариантам будущего, и к возможным онтологиям. Роман “Мастер и Маргарита” демонстрирует нам три временных уровня: бытовой (с короткими периодами), библейский (с масштабом Библии как реальной истории) и пласт вечности с разными онтологиями, отличными от человеческих измерений (Мир Божественный и мир демонический).

Три уровня рефлексии обеспечены тремя разными механизмами. Тщательно исследованы как интеллектуальная рефлексия (например, в

филологической герменевтике Г.И. Богина), так и рефлексия бытовая (в психологической герменевтике А.А. Брудного). Если брать поток современной литературы по герменевтике, то именно рефлексия синкретическая, способная соединять и удерживать все три уровня одновременно, в нем напрочь отсутствует. А как раз ее мы и считаем прерогативой художественной герменевтики.

В настоящее время в педагогике хорошо отработаны механизмы интеллектуальной рефлексии и вновь вызваны к жизни механизмы рефлексии бытовой. Наше педагогическое нововведение состоит в реализации через четыре функции по отношению к литературным произведениям рефлексии синкретической. В этих четырех функциях мы используем и интеллектуальную рефлексию (позиция теоретика), и короткопериодную рефлексию (позиция читателя), и их смесь (позиция критика). Настоящее становление синкретизма происходит в процессе творения (креативность и есть синкретизм). Но, в отличие от всегда существовавших в педагогике искусства и акмеологии отдельных техник креативности, в нашей педагогической системе креативность обеспечивается как фоном всеми тремя перечисленными позициями и немислима без них.

Например, существуют разные школы, где творчество поставлено в центр внимания. Однако при этом креативная функция не обеспечивается достаточным набором рефлексивных диапазонов и быстро исчерпывается. Мы же организовываем фон из составляющих и соединяем их в целостность, что характерно для структуры литературного произведения. В этом случае внутри образа отражаются как длиннопериодная рефлексия (человечество, природа, космос и т.д.), среднепериодная (жизнь в обществе), так и короткопериодная (рефлексия над собой: “я - сейчас”). Профессиональное литературное произведение отличается от дилетантского тем, что даже в проявлениях “я” и вроде бы “сейчас” мы находим отголоски жизни

общества, истории, космоса (Уолт Уитмен в “Листьях травы”, произведения серебряного века, роман Б. Пастернака “Доктор Живаго” и т.д.).

В деятельности автора была ситуация, вызвавшая озадаченность. Преподаватель противопоставила экспериментальной практике по методу художественной герменевтики свою собственную, авторскую, концепцию. Заключалась она в том, что обучаемые творили ежедневно на уроках русского языка и литературы (для этого отводилось 10-15 минут на обычных уроках плюс еженедельно два урока подряд по развитию речи). Спонтанность творчества была возведена в принцип: например, предлагалось всем посмотреть в окно и описать все, что было видно из него; другое задание было ориентировано на подробное описание неба, дерева, цветка. Очень быстро предметное описание исчерпало себя, обучаемые стали относиться с явным раздражением к этому регулярному “тренажу”, была высказана версия, что следовало бы сократить сами творческие сеансы. Но дело здесь в другом. Сокращение диапазона творчества до сиюминутности превращает его в формальное описание видимого и лишает основного элемента художественного: многоуровневости и многозначности социальной ценности. Описание увиденного из окна социальной ценностью быть не может, а подобный прием может быть только эпизодом на этапе запуска креативных механизмов. Не понимая этого, преподаватель тормозила развитие детей.

Отличие понимания от непонимания

Понимание - это деятельность, процесс, всегда рассчитанный на преодоление непонимания. Если же обучаемый постоянно имеет дело с текстами, не представляющими для него трудности освоения, он не развивается: как можно разворачивать деятельность понимания, если и понимать-то нечего?

Для того, чтобы личности была обеспечена деятельность понимания, развивающая ее, необходимо на протяжении всей ее жизни выполнять одно условие: читать тексты, представляющие собой затруднение в освоении их содержательности. Говоря словами Гёте, “ты равен тому, кого ты понимаешь” (здесь и кроется секрет творческого долголетия).

Следовательно, только там можно говорить о понимании как деятельности, где возникло непонимание. В противном случае языковая личность деградирует, поскольку предпочтение текстов понятных лишает ее возможностей развиваться. Вот почему девиз “Искусство принадлежит народу” имел (и сейчас имеет) трагические последствия как для народа, так и для творцов: он предусматривал доступность смыслов массовому сознанию, а смыслы должны кристаллизоваться в процессе деятельности понимания - эта деятельность понимания исключалась в принципе.

Размышляя о понимании как активном “процессе смысловой компрессии”, академик А.А. Леонтьев ввел понятие “образ содержания текста” (4, 142), указывая при этом на важнейшее, динамическое, его свойство: сформированный образ никогда не может быть итогом, конечным результатом, потому что “приведение текста к некоторому иному виду” в результате осмысления (наделения смыслом) можно считать “лишь частным случаем формирования образа содержания” (там же, 142). И всякий раз, подчеркивает автор, новый текст не будет итогом, а “лишь способом опредмечивания процессов понимания”.

Художественные тексты отличаются особой сложностью и богатством привлекаемых способов понимания. Следовательно, они и обеспечивают полноценное развитие каждого из нас, но педагогический эффект возникнет лишь в том случае, когда личность будет осознанно стремиться к обогащению методологической культурой, в основе которой - рефлексия. Именно рефлексия способствует формированию смыслов и смысловых

связей, создающих, в свою очередь, целостную картину мира. Таким образом, привитие рефлексии можно считать важнейшей педагогической задачей в свете акмеологии.

Литература:

1. Богин Г.И. К онтологии понимания текста. // Вопросы методологии, 1991. N 2.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Учебное пособие. - Ростов н/Д: Феникс, 1997.
3. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. - СПб акмеологическая академия, 1995.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. Учебник. - М.: Смысл, 1997.
5. Субетто А.И. Проблемы фундаментализации и источников содержания высшего образования. - Кострома - Москва, 1995.